Георгия Дашкова и Маркела Родышевского, подавшего на него донос, обвиняя в «церковных противностях».[50]

Использование библейского текста для развития идей, волнующих автора в данный момент, — прием, получивший широкое распространение в поэзии русского классицизма. В частности, в переложениях псалмов Ломоносова, как указывали исследователи, тоже находились прямые отклики на реальные обстоятельства, и духовные оды Ломоносова приобретали смелый гражданственный характер.[51] С этой традицией связано и знаменитое стихотворение Державина «Властителям и судиям». Разумеется, обращение Державина к тому же самому 81 псалму едва ли можно ставить в зависимость от упоминавшейся проповеди Прокоповича: один и тот же библейский текст используется писателями совершенно по-разному. Но важно, что сохраняется самый принцип: этот текст трактуется каждым автором применительно к современным общественным событиям.

И духовная ода и ода хвалебная были тесно связаны с ораторской прозой Феофана Прокоповича и идейно, и тематически, и стилистически. Наконец, самая организация речи в одической поэзии, как превосходно показал Ю. Н. Тынянов, позволяет называть оду ораторским жанром.[52] «Ода Ломоносова, — писал исследователь, — может быть названа ораторской не потому и не только потому, что она мыслилась произносимой, но потому главным образом, что ораторский момент стал определяющим, конструктивным для нее».[53] Ломоносов расчленял речь на периоды «круглые», «зыблющиеся» и «отрывные», причем их чередование считал важнейшим моментом в организации поэтической речи: «Положение целых периодов зависит от умеренного смешения долгих с короткими, зыблющихся с отрывными, чтобы переменою своею были приятны и не наскучили бы одинаким течением, которое, как на одной струне почти ни в чем не отменяющийся звон, слуху неприятно».[54] Стремление избежать монотонности придавало поэтической речи бо́льшую выразительность и эмоциональность. Ломоносов мог это наблюдать и на примере русской ораторской прозы. Прокопович, в частности, уже использовал в своей практике некоторые принципы, сформулированные позднее Ломоносовым. Разумеется, автору прозаического «слова» не приходилось соразмерять синтаксическое членение речи с делением на строфы и строки, завершающиеся

---

[50] См.: И. Чистович. Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868, стр. 195—222.

[51] См.: Д. К. Мотольская. Ломоносов. — В кн.: История русской литературы, т. III. М.—Л., 1941, стр. 339—342.

[52] Ю. Н. Тынянов. Ода как ораторский жанр. — В кн.: Ю. Н. Тынянов. Архаисты и новаторы. Л., 1929, стр. 48—86.

[53] Там же, стр. 68—69.

[54] М. В Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 243—244.